

Процессы заблуждения, отклонения, исправления и сближения в исламской политической мысли

Калим Сиддыки

Содержит введение

Зафара Бангаша

Директор Института Современной Исламской Мысли
Торонто, Канада

Институт Современной Исламской Мысли

Лондон - Торонто - Претория - Карачи

Впервые статья была опубликована в 1989 г.

*Данная электронная версия опубликована на сайте www.kalimsiddiqui.co , в
феврале 2016 года, на основании версии 2001 года, опубликованной*

Crescent Publications (UK) Ltd.

32 Warrington Avenue
Slough SL1 3BQ, UK

для

Института Современной Исламской Мысли

Лондон , Торонто, Претория, Карачи

(ISBN: 1 902614 09 7)

Информация каталогизации в издании Британской Библиотеки:
каталожная запись для данной книги доступна в Британской
Библиотеке.

Введение

Мусульмане почти единодушны в том, что сегодняшняя Умма испытывает большие проблемы; кроме того, большинству мусульман понятно, что причины этих проблем могут быть найдены в нашей истории и, особенно, в ее ранний период. В вопросе принятия мер для исправления данной ситуации, однако, нет единого мнения. Некоторые мусульмане считают, что исламские политические партии, принимающие участие в выборах, организованных в рамках светских систем, который на сегодняшний день доминируют в мусульманских странах, могут таким образом построить исламский социально-политический строй. Другие выступают за революционные преобразования, но не имеют четкого представления о том, как эти преобразования осуществить. Правильное понимание прошлого и тех ошибок, которые привели к нашему теперешнему состоянию, является необходимым условием для действий, направленных на коррекцию будущего.

В работе "Процессы заблуждения, отклонения, исправления и сближения в исламской политической мысли", впервые опубликованной в 1989-м году¹, Д-р Калим Сиддыки использует исторический подход для понимания фундаментальной интеллектуальной проблемы, с которой столкнулись мусульмане. Он был одним из немногих мусульманских учёных современности, которым удалось пробраться сквозь туман недоразумений и выдвинуть идеи, которые помогают нам понять наше прошлое и увидеть пути продвижения вперед. Он начинает с утверждения, что отклонения в Исламе представляют собой большей частью заблуждения, накопленные в течение длительного периода времени и приведшие к неприемлемым последствиям. Поскольку Ислам является всеобщей истиной, он достаточно могущественен, чтобы иметь возможность дать свои собственные ответы на недуги, поражающие общество. В прошлом эта функция осуществлялась посредством преемства пророков, посланных Аллахом (субхана ва таала) к различным народам; с окончанием пророческой миссии в лице последнего Посланника Аллаха, ответственность за эту задачу принадлежит лицам и движениям, руководствующимся Исламом. "Акт" создания Исламского государства имеет место в конце длительного процесса корректирующих мер среди мусульман,

"потерявших путь" в Исламе. От тех, кто заимствовали какие-либо ценности вне Ислама, нельзя ожидать, что они смогут устранить социальные и политические проблемы Уммы, вызванные отклонением от Ислама; поэтому, по мнению Д-ра Сиддыки, они не способны найти какие-либо решения или стать во главе мусульман.

Изложив теоретические рамки, он продолжает исследовать очень разный исторический опыт двух основных теологических и интеллектуальных традиций в Исламе, начиная с первых лет его существования: суннитов и шиитов. В то время как сунниты остались скованными духовно из-за их неспособности встать на путь коррекционного процесса - и результаты этого можно увидеть в большинстве мусульманских стран - шииты Ирана смогли осуществить Исламскую революцию, ведомую улемами и имеющую своей целью восстановление исламского социальнополитического режима в стране. Д-р Сиддыки рассматривает Исламскую революцию не через узкую призму сектантства, а на широком полотне всей истории. Он является одним из немногих учёных, которым удалось преодолеть сектантский барьер, не полагаясь на источники исключительно одной стороны; он чувствует себя комфортно и с шиитскими и с суннитскими взглядами, считая и те и другие одинаково правомерными. Этот подход контрастирует со взглядами множества других учёных, которые не способны выйти за рамки своих конкретных школ исламской мысли. Ошибка, которую делают большинство мусульман - и это касается всех школ - это предполагать, что их собственное понимание представляет собой всю совокупность Ислама; именно этот ограниченный подход и является самой главной причиной разобщенности и конфликтов внутри Уммы.

Д-р Сиддыки считает что, истоки Исламской революции следует искать не в современном Иране, а в первоначальном непринятии шиитами политической легитимности Омейядов, которые превратили халифат в малюкийя. Вместо того чтобы признать это явление потерей легитимности, сунниты рассматривали его лишь в качестве снижения качества руководства, что должно быть исправлено со временем. Это оказалось фундаментальным заблуждением, которое повторялось и усугублялось и в дальнейшей истории Ислама и, наконец, привело к фатальной слабости мусульманских государственных образований и далее к политическому

упадку Уммы. Последствия этого наглядно видны в политическом и моральном распаде мусульманских обществ и в возникновении колониальных держав, доминирующих над исламским миром. Появление постколониальных мусульманских национальных государств является по сути тем же самым доминированием лишь в другом формате.

Отвергнув малюкийя шииты оставались в политической изоляции вплоть до победы улемов-усулитов (усули) над улемами ахбарийа в середине 18-го века. Аргумент первых касался чисто технического аспекта, но, тем не менее, имел серьезнейшие последствия для шиитской политической мысли. Ахбарийа придерживались мнения, что в период оккультации Двенадцатого Имама, исламским учёным не разрешается прибегать к умозаключениям для вынесения определённых суждений; единственным источником, к которому можно прибегать для получения ответов, является собрание хадисов Пророка. Усули высказывались в пользу независимого суждения, считая, что данная функция может быть выполнена

квалифицированными исламскими учёными, называемыми мардж-е таклид. Именно после победы усули появились мараджи и двери иджтихада открылись. Д-р Сиддыки рассматривают данное обстоятельство в качестве первого корректирующего шага в истории политической мысли шиитов. До тех пор пока мараджи не осуществляли прямой политической власти, ни для одного из них не было необходимости становиться лидером мусульман. Осуществляя огромное влияние на массы, они считали своим назначением лишь ограничение власти незаконных правителей в период отсутствия Двенадцатого Имама. Это, однако, снова привело к накоплению неприемлемых последствий и повлекло за собой вторую корректирующую меру: создание Исламского государства даже в отсутствии Двенадцатого Имама. Процессом, посредством которого это государство было создано, стала Исламская революция.

Д-р Сиддыки утверждает, что акт создания Исламского государства представляется необходимым в целях успешного перехода к роли "центрального корректирующего агента", который бы устранял заблуждения и отклонения. Он находит доказательства этому в Сире самого Пророка (с.а.с.). Во время своего проживания в Мекке Пророку удалось обратить в Ислам относительно небольшое количество

соплеменников, в то время как после создания Исламского государства в Медине, Ислам распространился быстро по всему Аравийскому полуострову. Д-р Сиддыки подчёркивает что "Ислам является несовершенным без Исламского государства", и что Ислам это не только "послание", но и "метод" – точка зрения, к сожалению, не разделяемая многими исламскими политическими партиями.

Возвращаясь к его центральному тезису о том, что даже небольшое заблуждение приводит к неприемлемым результатам, д-р Сиддыки рассматривает последствия фетвы имама Хомейни в январе 1988 г. которая предусматривает, что полномочия Исламского государства имеют приоритет над вторичными заповедями Ислама. Появление этой фетвы было обусловлено ограничениями, налагаемыми на полномочия Исламского государства в свете отсутствия непосредственной концептуальной связи последнего с государством Пророка в Медине. Не являясь преемником того первоначального Исламского государства в Медине, Исламское государство в Иране не могло бы осуществлять свою власть во многих жизненно важных вопросах. С помощью этой фетвы имам приблизил шиитскую политическую мысль ко второму-третьему десятилетию эры государства Пророка в Медине, освобождая мусульман от бремени накопленных заблуждений их истории. Это фетва, таким образом, приблизила понимание имамом концепции Исламского государства, базирующегося на историческом опыте шиитов, к классическому суннитскому пониманию концепции халифата. К сожалению, большинство суннитских улемов, потеряв из виду данное понимание и блуждая в пустыне веками вследствие своего отклонения от последнего, не в состоянии понять этот важный аспект. Исламское государство не может быть ни шиитским ни суннитским; согласно д-ру Сиддыки, оно либо исламское либо нет. Именно этот важный урок извлекает д-р Сиддыки из фетвы имама Хомейни 1988 г.

Сожалея об отсутствии данного понимания среди суннитских улемов и их готовности принять покровительство со стороны правителей с сомнительными полномочиями, д-р Сиддыки предостерегает любые группы от претензии на обладание всеобщей и исключительной правдой, а также призывает улемов шиитов и суннитов воспользоваться возможностью, предложенной Исламской революцией, для осуществления подобных преобразований в других частях мира.

Он предупреждает, что если подобных революций не произойдёт больше нигде в течении ближайших 50-100 лет, то Исламскую революцию следует также рассматривать лишь в качестве частичного успеха, и что придется исправлять её ошибки в целях повторения этого феномена и в других странах. Для него история является настоящим испытанием любого постулата; она не щадит никого, и даже небольшое заблуждение может привести по истечении длительного периода времени к значительному отклонению и, как следствие, к неприемлемым результатам. Пойдя на уступки с малюкйа, сунниты позволили заблуждению привести к значительным отклонениям в мусульманской политической мысли. Пагубные последствия данного заблуждения видны на примере мусульманских национальных государств, засоряющих ландшафт мусульманского мира.

Данные идеи актуальны сегодня так же, как и в 1989-м году, когда они были впервые сформулированы. Чёткое понимание реальности имеет существенное значение для инициирования корректирующего действия. Наше понимание мира должно основываться на божественном знании, примером которого являются Сунна и Сира благородного Посланника Аллаха. Его метод является единственным способом реализации его послания. Д-р Сиддыки призывает нас оценивать наши действия в свете Сиры Пророка². Таким образом, наш успех будет зависеть от того, насколько мы близки к Сире Пророка; те же, кто отклоняются от неё, наоборот, приближают катастрофу. Мусульманская Умма, за исключением Исламского государства в Иране, представляется виновной в нарушении своих исламских исторических обязательств; и даже Исламская революция останется лишь частичным успехом, если процессы исправления и сближения не будут повторены в других частях Уммы.

В данной работе д-р Сиддыки излагает разработанное им на протяжении нескольких десятилетий понимание мусульманской истории, которое являются сутью его политических идей. Для мусульман, повсеместно пытающихся изменить политические и социальные проблемы, стоящие перед нами, эта работа предлагает интересные мнения, идеи и предложения по концептуализации данных проблем. Это особенно полезно для суннитской части Уммы, поскольку статья предлагает

рассмотреть Исламскую революцию в Иране в более широком контексте исламской истории и позволяет понять её суть вне шиитского контекста особого опыта Ирана. Только сделав этот шаг, сунниты смогут внести похожие коррективы в их собственное историческое и политическое понимание. Мысли д-ра Сиддыки, представленные в этой работе, а также в других его работах, представляет собой своего рода "дорожную карту", показывающую суннитам выход из тупиковой ситуации, характеризующей нашу современную историческую участь. Мы можем использовать эти мысли, чтобы изменить наше будущее, или игнорировать их и оставаться в нашем нынешнем унижительном и постыдном состоянии и в дальнейшем обозримом будущем.

Зафар Бангаш

Директор, Института Современной Исламской Мысли

Торонто, Канада

Раби аль-Аввал 1422 г. хиджры / Июнь 2001 г. н.э. **пер.**
с англ. Ильгар Алиев.

Примечания

1. Kalim Siddiqui, *Processes of error, deviation, correction and convergence in Muslim political thought*, London: The Muslim Institute, 1989. Статья переиздана в Zafar Bangash (ed), *In Pursuit of the Power of Islam: Major writings of Kalim Siddiqui*, London: The Open Press, 1996. Также эту статью можно найти на сайте www.kalimsiddiqui.com.
2. Для понимания концепции "Сира" Доктором Сиддыки, см. его работу *Political Dimensions of the Seerah* (London: The Institute of Contemporary Islamic Thought, 1998). Также эту работу можно найти на сайте www.kalimsiddiqui.com.

Калим Сиддыки - Процессы заблуждения, отклонения, исправления и сближения в исламской политической мысли

-

[Kalim Siddiqui. Processes of error, deviation, correction and convergence in Muslim political thought](#)

пер. с англ. Марии Кульневой

Бахира был христианским монахом из Басры. Абу Талиб, дядя Пророка, забрал Мухаммада, которому тогда было 12 лет, в Аль-Шам с караваном купцов. Там, по свидетельству христианских источников, Бахира распознал в Мухаммаде знаки его будущей пророческой миссии. Он посоветовал дяде Пророка не везти Мухаммада в Аш-Шам, так как опасался, что иудеи тоже смогут различить эти знаки и попытаются причинить мальчику вред. Много лет спустя в Мекке другой христианин, Варака ибн Науфал, двоюродный брат жены Пророка Хадиджи, также увидел в опыте Мухаммада, пережитом в пещере Хира, свидетельство его будущей миссии Пророка, и предостерег его от того же.

Ни Бахира, ни Варака не знали, что Мухаммад станет Пророком, но оба они, благодаря своей религии, христианству, обладали неким чувством исторического предвосхищения. Они знали о грядущем приходе пророка; но им не было известно,

когда, где, и в чьем лице он появится. Каждый из них осознавал, что джахилийя, превалирующая в тот период времени, требует пришествия пророка. Бахира и Варака полагались на христианские источники, которые уже в то время нельзя было считать целиком достоверными. Сегодня, спустя 14 столетий после ниспослания Корана, последнего не вызывающего сомнений послания Аллаха, и пришествия последнего Пророка, знаки грядущих событий должны быть для нас более очевидными.

Насколько верно мы сможем интерпретировать их, зависит от нашего понимания исламского контекста истории. К примеру, нам не известно, когда Аллах (SwT) создал первого человека, Адама, который также был Пророком. Но мы знаем, что между первым Пророком, Адамом, и последним, Мухаммадом, было, по всей видимости, еще 124 000 пророков, да пребудет с ними мир и благословение Аллаха. Отсюда мы видим, как долго и тщательно готовил Аллах (SwT) мир к пришествию последнего Пророка и завершению своего послания человечеству. Все это не имело бы никакого смысла, если бы до конца света оставалось всего 1400 или около того лет.

Наше, мусульманское, понимание истории должно включать в себя осознание того, что конец света неизбежен, однако время его наступления известно одному Аллаху (SwT). Это знание Он не передал никому, в том числе и пророкам. А значит, строить насчет этого какие-либо предположения – бессмысленная трата времени. Мы не должны забывать о том, что сегодня, спустя 1400 лет после завершения пророчества и откровения, задачей ислама продолжает оставаться построение мира согласно плану Создателя. Вероятно, более реалистично на данный момент будет признать, что, хотя Ислам как послание и модель построения мира сформировался уже 1400 лет назад, основная цель истории – распространение Ислама на все человечество – пока не достигнута.

Это порождает другой вопрос: если столь долгий период времени, предшествующий формированию Ислама, был только “подготовительным этапом”, как нам следует воспринимать следующие 1400 лет? Можно предположить, что

доисламская джахилийя не предоставляла человеку возможности осознать последствия уклонения от пути Ислама. Возможно, последние 1400 лет человеческой истории стоит рассматривать именно как наглядную демонстрацию того, что происходит, если люди, особенно мусульмане, отклоняются от пути *sirat al-mustaqeem*. Это не могло быть продемонстрировано прежде, чем сформировался сам Ислам. Значит, мы, скорее всего, можем рассматривать господствующую в современном мире нео-джахилийю именно как такую демонстрацию.

Отклонение от Ислама может быть двоякого сорта. Во-первых, существуют те, кто никогда не примыкал к мусульманам, сознательно выступал против них и создал собственную цивилизацию и культуру куфра и джахилийи. Сегодня такой цивилизацией куфра и джахилийи является западная цивилизация. Она имеет мировое распространение и включает в себя в том числе и не-западные субкультуры, такие, как китайская, японская и индийская. К ней же относится ряд искаженных религиозных традиций, например, постренессанское христианство, сионизм и воинствующий индуизм, которые провозглашают неприятие ислама. Наконец, к западной цивилизации относятся и те мусульмане, которые под влиянием колонизации обратились к секулярным ценностям.

На сегодняшний день именно эти мусульмане представляют собой правящую элиту во всех мусульманских государствах, за исключением постреволюционного Ирана. Второй тип отклонения зародился в недрах самого Ислама. Это отклонение было инициировано теми улемами, которые, вне зависимости от направления мысли, которому они следовали, по каким-либо причинам приняли и признали легитимность политических, социальных, культурных и прочих систем, не согласующихся с Кораном и Сунной Пророка, мир ему. Примеры такого отклонения, в том числе и искаженную теологию, можно встретить повсеместно.

Однако отклонение внутри Ислама в основном сводится к заблуждениям, накопившимся за долгий период времени. Эти заблуждения относительно легко исправить, так как общая структура Ислама, объединяющая Умму, остается сохранной (1). Корректирующий потенциал Ислама выражается во врожденной **taqwa (Богоосознание)**, присущей и тем, кто заблуждается. Всегда и во всех

школах мысли существовали улемы, готовые и способные исправлять заблуждения и объединять Умму.

Число так называемых улемов, старающихся внести фитну и окончательно разделить Умму, всегда было небольшим, но шумным, так как они, помимо всего прочего, искали политического покровительства тех властителей, которые были склонны узаконить заблуждения. Этот процесс отклонения начался с Омейядами и в настоящее время продолжается саудовским правящим режимом. Создание в исламском мире колониальными властями и их "мусульманскими" агентами национальных государств также было направлено на придание нашему политическому отклонению постоянного характера.

Около 15 лет назад мы в Мусульманском Институте решили начать в Умме поиск улемов и простых мусульман, готовых участвовать в исследованиях, направленных на очерчивание границ той области в Исламе, где возможно привести к сближению всех тех, кто страдает от заблуждения и отклонения внутренней природы. Мы интуитивно ощущали, что единую Умму (2) можно разделить лишь поверхностно и временно. Еще одна интуитивно выработанная гипотеза, которой мы руководствовались, заключалась в том, что заблуждения и последующее разделение Уммы носили в основном политический, и, следовательно, временный, характер. Это означало, что процесс исправления и сближения должен направляться либо изменениями в исламской политической мысли, либо каким-то значительным политическим событием, которое должно возыметь эффект "большого взрыва". Мы обладаем достаточным потенциалом для того, чтобы быть в состоянии изменить исламскую политическую мысль, и надеяться на то, что однажды наши построения смогут инициировать политическое событие большой значимости (3).

Но у истории, как нам уже известно, иные цели. Ислам, несмотря на существующие заблуждения и отклонения, все же является влиятельной системой верований и идей, способной самостоятельно разрешить все проблемы Уммы. Вместе с тем мы должны учитывать, что Ислам, представляя собой Всеобщую Истину, данную

Аллахом, также обладает необходимым потенциалом для запуска коррекционных процессов в критические моменты истории.

До пришествия последнего Пророка, мир ему, эту роль играли предшествующие ему пророки, в разные времена приходившие в мир. Сейчас задача исправления и сближения должна выполняться агентами непророческой природы: личностями, движениями и революциями. Побуждаемые и направляемые конкретной исторической ситуацией, эти агенты исправления должны обладать достаточной силой для того, чтобы обратить всю мусульманскую общность, Умму, к сближению вокруг центральной оси Ислама.

В последнее время ряд личностей и движений, инициаторами которых они являлись, предпринимали попытки сыграть роль агентов исправления, но потерпели неудачу. Среди них можно назвать Хасана аль-Банну (основателя Ихван-уль-муслимин) и Маулану Абул Ала Маудуди (основателя Джамаат-е Ислами). Создается впечатление, что роль центрального корректирующего агента может быть исполнена лишь Исламским государством. Причиной неудачи упомянутых личностей и движений стало именно то, что они не смогли создать Исламское государство. Акт провозглашения Исламского государства кажется необходимым для успеха миссии центрального агента исправления – полного искоренения заблуждений и отклонений внутри Уммы.

Подтверждение верности такой точки зрения можно найти в Сира Пророка Мухаммада, мир ему. Роль Пророка как личности, проживающей в Мекке, сводилась к обращению в Ислам группы людей. Но уже будучи в Мекке, Пророк искал и смог обеспечить небольшой группе своих последователей защиту государства. Именно такой смысл имеет переселение многих первых мусульман из Мекки в Абиссинию. Когда, после хиджры, Ислам приобрел государственный статус, он смог в кратчайшие сроки распространиться по всему полуострову. Ислам без Исламского государства несовершенен; бесспорность этого не должна подвергаться сомнению. Из этого положения может выводиться очень многое как в **da'wah (всесторонний Исламский призыв)** благонамеренных мусульман, так и в таком da'wah, на который в настоящее время тратят свой потенциал мусульмане,

подпавшие под влияние сил, стремящихся сохранить имеющийся status quo. Саудовский режим выделяет особенно крупные средства на da`wah, целью которого является подчинение сил и способностей мусульман всего мира и направление их на деятельность, лишенную исторических перспектив. Но основной инструмент da`wah – Исламское государство; da`wah в отсутствие Исламского государства подобен приглашению без адреса.

Мекканские курайшиты с самого начала прекрасно поняли политическую природу Ислама и Пророчества Мухаммада. Предлагая Мухаммаду «сделку», они обещали ему царскую власть. Главой курайшитского посольства был Утба ибн Рабиа. Это событие зафиксировано во всех книгах Сира. Но целью пророческой миссии Мухаммада было не достижение личной власти, а образование Исламского государства. Мекка стала мусульманской спустя немало лет, в результате военных походов Пророка из Исламского государства, образованного вокруг Медины. Именно на Исламское государство в первую очередь возлагается ответственность da`wah.

В современной апологетической литературе об Исламе никак не подчеркивается, а востоковедами аккуратно обходится тот факт, что Ислам – это не только послание, Ислам – это еще и метод. Передача исламского послания методами христианских миссионеров-пацифистов вряд ли может быть эффективной. Такой подход может способствовать превращению Ислама в обрядовую религию, но не достижению его истинных целей. Полнота исламского послания включает в себя и собственный исламский метод. Именно благодаря этому Сунна и Сира Пророка, мир ему, настолько выразительны. И именно поэтому действия и исторические процессы, необходимые для установления Исламского государства, являются неотъемлемой частью Ислама. Таким образом, Ислам без Исламского государства неполон.

«Исламские партии», возникшие в колониальный период, часто не брали в расчет этот чрезвычайно важный момент. Они понимали и представляли Ислам в русле европейского типа социал-демократии. Для них Исламское государство было лишь слегка видоизмененным и «исламизированным» вариантом постколониального национального государства. Эта идея была нужна им только для того, чтобы

победить на выборах и «прийти к власти». Эти «исламские» политические партии были лишены понимания того, что такой взгляд на самом деле представляет собой наследие колониализма, которое необходимо развенчать и уничтожить. В их упрощенном понимании «Исламское государство» должно было строиться на секулярной и национальной основе получившей независимость колонии. Не вызывает сомнения то, что многие свои идеи эти политические партии заимствовали – возможно, неосознанно – из неисламских источников (4).

Сам «акт» провозглашения Исламского государства должен быть итогом длительного процесса исправления в среде тех, кто «потерял путь» в Исламе. Можно признать, что в суннитской традиции этот процесс исправления до сих пор практически не начался. Суннитская политическая мысль пока еще блуждает среди искажений, возникших в результате деятельности «исламских партий», арабского национализма, индийского движения Хилафат и легкодоступного на протяжении большей части последних 1400 лет человеческой истории политического покровительства.

С другой стороны, в шиитской традиции первый значимый шаг в верном направлении был сделан уже в самом начале ее развития, как отказ от подчинения существовавшим тогда политическим системам. Его корни уходят еще к отказу Имама Хусейна признать власть Язида, и последующий его (Хусейна) шахадат в Кербеле. Следующий шаг по пути исправления был сделан спустя много столетий, после того как в начале XVI века Иран обратился к шиитской школе мысли. Он проявился в споре улемов по поводу проблемы, казавшейся чисто технической. Во второй половине XVIII века возник спор между двумя группами улемов, усулитами и ахбаритами. Ахбариты (ахбарийа, или коммуникаторы), придерживались точки зрения, согласно которой исламские ученые в период сокрытия Двенадцатого Имама, осуществляя правосудие и вынося решение согласно закону в каждой конкретной ситуации, не имеют права руководствоваться рассуждениями. Они могут лишь обратиться к хадисам (отсюда и название ахбарийа), и выносить решение по каждому конкретному случаю только после тщательного их изучения. Этой школе была присуща тенденция к полному отрицанию юриспруденции как науки. С другой стороны, улемы-усулиты (усулийа) придерживались такой

позиции, что в период отсутствия Двенадцатого Имама некоторые люди имеют право на независимое суждение.

Человек, имеющий такое право, называется муджтахидом: он может на основе собственных суждений и руководствуясь шариатом, принимать решения, исполнение которых помогает разрешить проблемы, возникающие у мусульман. Остальные мусульмане должны подчиняться решениям муджтахидов. Этот принцип получил название таклид. Старшие муджтахиды, которые ведут за собой большое количество мусульман-шиитов, именуется мараджи (единственное число – марджа или марджа-е таклид). В споре возобладала позиция усулитов, ахбаритская концепция была преодолена. Хамид Альгар указывает на то, что «революция в Иране, по крайней мере, та форма, которую она приняла, тот счастливый для нее тип лидерства, который она обрела и продолжает сохранять, были бы немыслимы в том числе и без триумфа позиции усулийа... в восемнадцатом веке» (5).

Появление улемов школы усули можно описать как развитие самокорректирующего механизма в шиитской традиции. Насколько важным это стало для всего

Исламского мира, становится ясно только сейчас. На первом этапе этого процесса самокоррекции произошло два события: во-первых, открылись врата иджтихада; во-вторых, появились улемы, мараджи-е таклид, влияние и даже власть которых превосходили власть формальных правителей. С практической точки зрения, мараджи воплощали «Исламское государство» в рамках более крупного территориального государственного образования.

Традиционная позиция шиизма, согласно которой любая политическая власть в отсутствие Двенадцатого Имама является нелегитимной, и стремиться к ней не должно, имела глубокие корни, и мараджи действовали под «крышей» режима Каджарской династии, пришедшей в 1795 году на смену Сефевидам. На протяжении всего этого периода, с 1795 года и до Исламской революции 1979, основной заботой иранских улемов было ограничение неизбежно нелегитимной власти существующего правительства. Именно в этом русле Мирза Хасан Ширази в 1892 году вынес свою знаменитую фетву о том, что употребление табака в Иране следует считать харамом, если его производство и продажа осуществляется

британской монополией. Участие улемов в конституционной революции в Иране (1905 – 1909) также стало возможным благодаря более широкой сфере интересов школы усули.

Влиятельный во многих отношениях усулитский истеблишмент имел два слабых места. Первое заключалось в том, что старшие улемы сами лишили себя возможности добиваться политической власти; а второе – в увеличении числа мараджи. В каждый момент времени существовало некоторое число великих аятолл, каждый из которых стремился приобрести как можно большее число последователей, нередко пытаясь «отбить» их у других. Обе эти помехи были тесно связаны друг с другом. Поскольку улемы не считали для себя возможным участвовать в борьбе за высшую политическую власть, у них не было необходимости в наличии единого лидера, с другой стороны, в отсутствие такого лидера, некоего марджи из мараджи, участие в борьбе за высшую политическую власть не представлялось возможным. Эта добровольно избранная, несмотря на очевидную слабость, позиция, представлялась настолько незыблемой для шиитской теологии, что правящие классы и династии (с 1926 г. – Пехлеви), а также стоящие за ними британские и американские агенты влияния, не чувствовали, что Кум может чем-то им угрожать. Но усулитская революция открыла врата иджтихада. Окончательный, с точки зрения шиитской теологии, шаг – создание Исламского государства в отсутствие Двенадцатого Имама – был в процессе иджтихада, начатого улемами усулия, лишь вопросом времени. Именно этим шагом и стала Исламская революция в Иране.

Суннитские улемы были такими же «заблудившимися» в Исламе, пока не вступили на долгий и нелегкий путь расчистки наносов собственных ошибок, преодоления слабых сторон собственных убеждений и искоренения привычки кланяться сильным мира сего. В настоящий момент многочисленные «придворные улемы», которые служат Саудовскому режиму (и другим секулярным правительствам) – наиболее запутавшаяся и уклонившаяся часть тех, кто потерял путь в Исламе. Если бы суннитские улемы смогли поднять завесу собственных предубеждений, они смогли бы увидеть, что имам Хомейни вернул шиитский караван на то место, с которого все мы когда-то начали свой путь.

В своей фетве от 6 января 1988 г. имам Хомейни говорит, что Исламское правительство представляет «абсолютно суверенную власть, переданную Аллахом (SwT) Пророку, мир ему». (6). Это, по словам имама Хомейни, «наиболее важная из Божественных заповедей, стоящая над всеми прочими, второстепенными, заповедями». Имам Хомейни добавляет: «Если бы власть Исламского правительства ограничивалась рамками второстепенных Божественных заповедей, тогда форма Божественного права и абсолют верховной власти, переданной Пророку, мир ему, не имели бы никакого смысла. Если бы это было так, - продолжает он, - законодательная и административная власть Исламского правительства была бы крайне ограниченной». В доказательство имам Хомейни приводит примеры таких направлений законодательной, административной, военной и экономической политики, осуществление и регуляция которых были бы невозможны при ограничении полномочий исламского правительства рамками второстепенных Божественных наставлений. К ним относятся приобретение прав частной собственности на крупные объекты общественного труда, такие, как новые дороги, обязательная военная служба, международная торговля, запрещение накопления капитала, таможенные и акцизные сборы, налогообложение и справедливая политика ценообразования.

Затем имам Хомейни снова повторяет, что «Исламское правительство, как часть абсолютно высшей власти Аллаха и Пророка, мир ему, - одна из главнейших заповедей Ислама, стоящая выше прочих второстепенных заповедей». Концепция того, что политическая власть, которой обладал Пророк, в полном объеме наследуется правителями из числа его последователей, всегда ясно очерчивалась в суннитской мысли. Именно так праведные халифы понимают источник своего права на власть. Исламское государство является лишь продолжением полномочий лидера – халифа (наиба, или наместника) Пророка.

Эта фетва имама Хомейни завершила длительный процесс исправления внутри шиитской школы, который был сутью противостояния усулитов и ахбаритов. Надо отметить, что некоторое остаточное влияние позиции ахбарийа до сих пор сохраняется не только в Иране, но, в гораздо большей степени, среди шиитских улемов и их последователей в Ираке, Индии, Пакистане и Бахрейне. Передний

край шиитской политической мысли, представленный имамом Хомейни и его соратниками, оформился лишь после смерти аятоллы Буруджирди в марте 1962 года. Только после этого аятолла Хомейни начал выступать с политическими лекциями, в которых критиковал Шаха, и занялся исследованием возможности участия муджтахидов в управлении государством.

В течение 1963 года он неоднократно подвергался аресту и в следующем году шах выслал Имама из Ирана в Турцию. В 1965 году он переехал в Наджаф, один из центров шиитского учения в Ираке. Из курса лекций об Исламском правительстве, прочитанном там в 1970 году, и родилась его концепция вelayat-e факих. Вероятно, не будет преувеличением сказать, что своей фетвой от 6 января 1988 года имам Хомейни исправил политическое отклонение всей Уммы, которое возникло еще во время прихода к власти Омейядов. В отношении законности лидерства в Исламском государстве имам Хомейни восстановил положение вещей, существовавшее во время правления Али ибн Абу Талиба, четвертого праведного халифа. Это означало, что в практическом смысле, в исламском понимании государства и политики, Умма вернулась к состоянию, в котором пребывала во времена, еще очень близкие ко времени Пророка Мухаммада, мир ему.

За этот совсем краткий промежуток времени, с 1962 по 1990 гг., история повернула на экстраординарный путь. Изучающим историю знакомо явление попеременного опережения между политическими идеями и политическими событиями. Порой идеи далеко опережают события, а порой события формируют идеи. Например, истоки великой школы усули, которая бросила вызов и впоследствии разгромила ортодоксию ахбари в шиизме, можно проследить вплоть до XIV века, времени Аллама Хилли (Джамалуддин абу Мансур Хасан ибн Йусуф). С момента его смерти в 1325 году и до триумфа идей усулийа, наступившего в Иране в XVIII веке, изменения происходили медленно. В XIX веке в Иране улемыусулиты, особенно мараджи, начали влиять на политическую ситуацию (7).

Начиная с 1978-79 гг. и до сегодняшнего дня практически вся политическая мысль, как шиитская, так и суннитская, формируется под влиянием событий, происходящих в Иране. Идеи и последователи имама Хомейни расширяют границы

мысли усилия в направлении полного сближения всех ветвей политической мысли в Исламе. Возможно, сам имам Хомейни, так же, как до него Аллама Хилли, не осознавал всего спектра влияния своих идей и иджтихада. Почти наверняка можно сказать, что интерпретация фетвы имама от 6 января 1988 года еще долго будет предметом споров среди шиитских и суннитских улемов, как в Иране, так и за его пределами.

Однако, учитывая сегодняшние реалии и ограниченность предмета данной статьи, одно осознание того факта, что в политическом смысле по крайней мере часть Уммы вновь достигла положения, соответствующего двум-трем наиболее близким к жизни Пророка десятилетиям, не может не быть радостным для любого мусульманина. Мы освободились от груза ответственности хотя бы за некоторые периоды нашей истории. Мы можем расстаться с комплексом вины, которую ощущали из-за принадлежности к традиции непрерывного заблуждения и отклонения. Теперь нам больше нет нужды защищать или оправдывать то, что носит имя «исламской истории» и наследственных династических династий (малюкийя). Мы также можем спрятать в «черный ящик» значительную часть разделяющей теологии, которая создавалась и пропагандировалась в этот период (8). Это предоставляет возможность распространения новой революции усилия на все школы исламской мысли и открытия врат иджтихада во всех традициях. Мы вновь можем почувствовать свою историческую близость к Пророку, мир ему. Эта вновь достигнутая близость, несмотря на то, что относится в основном к области восприятия, устанавливает новые духовные и интеллектуальные связи с Сира и Сунной Мухаммада, мир ему.

Если мы ставим себя во временные рамки, сближающие нас с Пророком, практически все источники позднейшего заблуждения и отклонения в Умме исчезают. Бессилие, обусловленное нашей долгой и бесплодной преданностью позициям, которые невозможно отстоять, также покидает нас; по крайней мере, мы получаем возможность избавиться от подобных исторических неудач. Имам Хомейни должен был преодолеть сопротивление, которое оказывали его подлинному иджтихаду правления вали-е факих в отсутствие Двенадцатого Имама консервативно настроенные шиитские улемы. Его утверждение о том, что вали-е

факих является халифом (наибом) Пророка, и что Исламское государство также управляется той самой властью, что была дана Пророку Аллахом (SwT), предоставляет всем мусульманам, особенно улемам, шанс избавиться от груза старых ошибок и вернуться к истокам. Принятие этого положения сводит на нет различия между шиизмом и суннизмом. Все положения Ислама ценны и истинны, но ни одно не может превзойти то, благодаря которому мы можем приблизиться ко времени Пророка, и особенно то, что дает нам власть (и государство), полномочия которой наследуются от Пророка, мир ему, его халифами (наместниками). На этом и основана внутренне присущая Исламу возможность самоисправления.

Но процесс, ведущий к корректирующим действиям, требует лучшего понимания. Заблуждение и отклонение внутри Ислама вызывают накопление неприемлемых результатов. Именно такое накопление неприемлемых результатов привело к вспышке противостояния усулитов и ахбаритов среди шиитских улемов более двух столетий назад. Триумф позиции усулийа смог исправить большинство, но не все, ошибки раннего иджтихада. Вместе с тем, открытие врат более глубокого и фундаментального иджтихада привело к появлению мараджи, заполнивших вакуум в позиции лидерства, возникший из-за сокрытия Двенадцатого Имама. После того, как позиции лидерства оказались заняты небольшим числом мараджи, они приняли курс, который постепенно должен был привести к появлению единственного лидера. Однако существование в Исламе единственного лидера возможно лишь в рамках Исламской политической власти, установленной в Исламском государстве. При условии продолжения процесса исправления, начатого улемами-усулитами, рано или поздно он должен был неизбежно привести к появлению единственного марджи, марджи из мараджи. А это было возможно только в рамках того, что сегодня мы называем Исламской революцией в Иране, или акте провозглашения Исламского государства.

Итогом процесса иджтихада, предшествовавшего Исламской революции, и возникновения Исламского государства, управляемого вали-е факихом, стала фетва имама Хомейни, согласно которой он, как вали-е факих, и Исламское государство осуществляют функции правления, данные халифу или наibu Пророка Мухаммада, мир ему.

Последняя фетва имама могла появиться только после того, как новое Исламское государство столкнулось с трудностью, а вернее, невозможностью осуществления надлежащих исполнительных, законодательных и юридических функций без наивысшего для Ислама источника власти – халифа Пророка. Отсутствие такой власти у вали-е факиха и Исламского государства было явной ошибкой, и ее последствия быстро достигли неприемлемой степени. Власть халифа существовала в ощущении, но не была должным образом заявлена и однозначно истолкована.

После этого имам установил четкие и недвусмысленные полномочия власти. Имам Хомейни, руководствуясь причинами, которые вполне можно представить, не дал этому столь подробного словесного выражения, однако в реальности он стал халифа аль-Расул, или наместником Пророка, мир ему. Сегодня мы имеем все основания утверждать, что с наследием того, что доктор Али Шариати назвал сефевидским шиизмом, практически покончено, хотя его отдельные, вызывающие раздражение следы, еще могут встречаться в шиитской ритуальности и культуре в течение некоторого времени. Мы также смогли воочию убедиться, что акт провозглашения Исламского государства – наиболее влиятельный агент исправления в Исламе. Это объясняется тем, что в политическом процессе даже незначительные заблуждения очень скоро приводят к гораздо более масштабным и заметным результатам, неприемлемость которых становится очевидна. Это означает, что заблуждения, относящиеся к области теологии, оказывают влияние на ритуальность и ибаду, и могут сохраняться в течение долгого времени, если не постоянно, не причиняя никакого вреда Исламу или Умме. Вполне вероятно также, что в рамках Ислама возможен широкий спектр вариаций в периферических областях фикха.

Эти вариации не достигают статуса заблуждения или отклонения. Истинное заблуждение – то, которое делает такие периферические области фикха поводом для жарких споров и противостояния между мусульманами. Само по себе разнообразие мусульманских обычаев обычно не приводит к такому накоплению последствий, которое достигает неприемлемого уровня. Но это может произойти в такой ситуации, где заблуждение и отклонение в более значимых вопросах лидерства, государства и политики достигают опасного уровня, что, в свою

очередь, приводит к дезинтеграции Уммы. В условиях крайней дезинтеграции, такой, какая наблюдается сегодня во многих частях Уммы, такие периферийные вопросы также могут стать причиной вооруженного конфликта. Именно поэтому наличие мусульманского правления любого типа, в том числе и малюкийа, на протяжении большей части нашей истории, не позволяло периферийным вопросам становиться причиной масштабного кровопролития. Так, например, в Индии между суннитами и шиитами за все время правления Моголов не возникло ни одного открытого кровавого конфликта.

В последние годы процесс распада государственного строя в Пакистане привел к аналогичным результатам – кровавой резне между мусульманами. Имеются серьезные основания предполагать, что такие конфликты намеренно инициируются постколониальными секулярными правительствами с целью отвлечь внимание от курса на сближение всех направлений Исламской мысли в вопросах лидерства, государства и политики. Этим же объясняется и неустанная антишиитская пропаганда, развязываемая цивилизацией Запада в общем и секулярными мусульманскими правителями в частности. Они понимают, что для них сегодня единственная возможность спасения связана со способностью противостоять и препятствовать исламскому процессу исправления, не позволяя ему распространиться на суннитский сектор Уммы.

Процесс исправления заблуждений и отклонений в шиизме, по крайней мере, для Ирана, в настоящее время практически завершен. Вне Ирана среди шиитов еще существуют сомнения касательно достижений иджтихада имама Хомейни. Также известно, что и в Иране есть улемы, придерживающиеся старых взглядов. Однако маловероятно, чтобы они могли серьезно тормозить действие мощных сил идущего изнутри процесса исправления. Теперь мы должны кратко очертить степень заблуждения и отклонения в суннитской традиции. Несомненно, суннитский политический опыт значительно отличается от шиитского. Для мусульман-суннитов в позиции лидерства нет вакуума, а есть только постепенное падение его качества. Суннитская школа признает превосходство первых четырех халифов, аль-хулафа ар-рашидун. Она признает и качественную перемену, произошедшую с приходом к власти Муавии ибн Абу Суфьян, который сам называл себя первым

царем мусульман. Между шиитской и суннитской традициями нет разногласий в понимании событий и факторов, которые привели к шахадату Имама Хусейна в Кербеле. Причины политического заблуждения и отклонения в суннитской школе коренятся в легкости признания и почти автоматическом предоставлении байата тем правителям, политическая несостоятельность и моральное разложение которых не были ни для кого секретом. Это происходило в результате того, что оппозиция признанному лидеру стала рассматриваться как бóльшая фитна, чем известное отклонение лидера от классических стандартов личного и морального превосходства, заложенных в Исламе. Это дало возможность многим активистам суннитской школы получить доступ в окружение правителей и политическое покровительство с их стороны.

В данных обстоятельствах, в то время, когда в руках мусульманских правителей была сосредоточена значительная власть, позволявшая им контролировать огромные империи, настоятельная необходимость переосмысления существующего положения отсутствовала. Огромная территория, занятая Исламской империей и цивилизацией, возникновение крупных городов и центров образования и политическое доминирование Исламского мира над всем остальным привели к возникновению у суннитов ложного ощущения безопасности и собственной праведности. Изначальное заблуждение и отклонение от Ислама, представленное в малюкийя, не были заметны на фоне быстрого и успешного распространения политической власти мусульманских государств. Первоначальный толчок, данный мусульманской политической истории Пророком, мир ему, и праведными халифами, был использован последующими правителями для сокрытия собственных заблуждений и отклонений. Однако в такой ситуации умножение заблуждений и отклонений, свойственных малюкийя, неизбежно вело мусульманское общество к моральному разложению и политическому и военному упадку. Этот упадок не был очевиден до тех пор, пока мусульманские армии были в состоянии сдерживать своих врагов и вновь отвоевывать потерянные земли, как в случае с захваченным крестоносцами Иерусалимом, который освободил Салахад-дин Айуб.

Кумулятивный урон, причиненный дар-уль-Ислам сотнями лет прогрессирующего упадка и распада эпохи малюкийя стал очевиден с появлением на мировой арене

европейских империалистических сил. В течение примерно столетия, предшествовавшего падению Османской Империи в войне 1914-1918 гг., практически весь исламский мир оказался в подчинении у Европы.

После 1919 года европейские правящие круги с целью установления более полного контроля над арабскими территориями – сердцем всего Исламского мира, разделили их на ряд марионеточных государств. Разрушение последнего политического оплота дар-уль-Ислам совершил Мустафа Кемаль, формально отменив халифат в 1924 году. Накопление последствий первоначального заблуждения и отклонения достигло логического завершения, и Ислам окончательно лишился даже видимости политического и военного влияния на происходящее в мире. Более неприемлемого результата представить просто невозможно. Но суннитские улемы, которые за несколько столетий достигли немалых успехов в смиренном подчинении властям, не спешили расставаться с этой привычкой. Даже осознание случившейся катастрофы возникало очень медленно. Никакой реакции на нее со стороны суннитских улемов заметно не было, если не считать народных волнений 1919-1922 гг. в Индии, спровоцированных движением Хилафат. Их поведение в сложившихся обстоятельствах вполне вписывалось в рамки их традиционной роли.

Они, как и всегда, были озабочены поиском политического покровительства при новом политическом порядке – у нового Саудовского «королевства», созданного в традициях малюкийя, у вновь образованных национальных государств и даже у колониальных государств неверных. Эта новая власть прилагала все усилия, чтобы внушить этим улемам ощущение безопасности в обмен на политическое подчинение. Два человека предприняли отважные, но не увенчавшиеся успехом попытки вернуть Исламу потерянное политическое влияние – Хасан аль-Банна и Абу Ала Маудуди. Однако, мы должны обратить внимание на то, что ни тот, ни другой не были традиционными алимами.

Они и созданные ими партии, Ихван-уль-муслимин и Джамаат-е Ислами, также в итоге удовлетворились существующим status quo, заручившись надежной и выгодной поддержкой Саудовской Аравии. Даже «Исламское государство» в их

концепции не сильно отличалось от ориентированных на экономическое процветание, либеральных и демократических государств Европы. Такие попытки без поддержки суннитских улемов не могли быть успешными. Нам приходится признать, что та исправительная деятельность, начало которой среди шиитских улемов было положено победой течения усулийа, еще только должна начаться в суннитской школе. Можно возразить, что природа и степень заблуждения и отклонения в шиизме отличалась от таковых суннизма. Это не лишено смысла. Однако имеется три общих особенности, на которые необходимо обратить внимание, не пытаясь отыскать их истоки в теологических формулировках. Вот они:

1. Улемы течения ахбарийа при Сефевидах в Иране (1502 – 1747) были столь же удобным объектом политических манипуляций для правящих кругов, как и суннитские улемы в любой момент истории, в том числе и сегодня.
2. В результате заблуждений и отклонений шиитской школы ее улемы были лишены политического веса в той же степени, как и улемы-сунниты сегодня.
3. В шиизме до усулитской революции врата иджтихада были закрыты столь же крепко, как у суннитов сегодня.

Революция в Иране не стала бы возможна без предшествующего разрешения через иджтихад ряда специфических проблем шиитской теологии. В рамках этой статьи нет возможности перечислить все вопросы суннизма, которые ждут своего решения через иджтихад. Так же не представляется возможным строить предположения о том, что должно произойти, чтобы в суннитской школе возникло интеллектуальное движение, сопоставимое по масштабу и влиянию с течением усулийа в шиизме. Многие представители суннитской школы могли бы возразить, что их отклонение было не более чем ошибкой суждения, которая привела к установлению компромисса с малюкийа. Как бы то ни было на самом деле, очевидно, что последствия этого компромисса для суннитской политической мысли и деятельности оказались катастрофическими. В результате на сегодняшний день

подавляющее большинство суннитских улемов страдает от той же неспособности разобраться в важнейших политических вопросах, которая была типична для шиитских улемов-ахбаритов до усулитской революции.

Современная малюккия, представленная Саудовской «королевской семьей» и всеми прочими секулярными националистическими режимами, находящимися у власти в национальных государственных образованиях колониального типа в регионах распространения суннизма, не против того, чтобы суннитские улемы дожидались собственной усулитской революции. В таком случае правящим кругам обеспечено еще не менее пары столетий спокойного существования; на их взгляд, этого времени вполне достаточно для того, чтобы секулярная культура и цивилизация, которой они служат, пустила крепкие корни и лишила Ислам возможности влиять на будущие поколения.

Суннитские улемы должны стремиться любой ценой избежать этой ловушки. Но ждать усулитской революции в суннизме не стоит по ряду веских причин. Безосновательным было бы считать, что любой сектор Уммы должен пройти один и тот же путь, предшествующий процессу коррекции заблуждений и отклонений. Шиитские улемы двести лет назад были лишены преимущества, которое сегодня есть у тех, кто был свидетелем и участником Исламской революции в одном из секторов Уммы. Шиитам пришлось осуществлять коррекцию изнутри собственной традиции, поэтому усулиты и полагались на иджитihad. Помимо этого, шиитские улемы и двести лет назад уже хорошо знали, что такое полное отсутствие политического влияния, а сунниты еще не пережили полного краха того, что воспринимали как Исламское государство. Сегодня же сунниты могут воочию наблюдать не только полное отсутствие в Исламе сильной центральной власти, но и многолетнее политическое подчинение Уммы куфру.

Необходимость положить конец господству куфра над Исламом и Уммой настолько безотлагательна, что мы не можем ждать, пока свершится интеллектуальная революция. Наконец, возможно, что усулитской революции в одной из частей Уммы уже достаточно для всех. Это реально потому, что процесс коррекции внутри Ислама, однажды начавшись, должен привести всех в нем участвующих к общей

основе, приемлемой для всех мусульман. Границы определенной школы мысли не могут быть препятствием для истинного процесса исправления в Исламе.

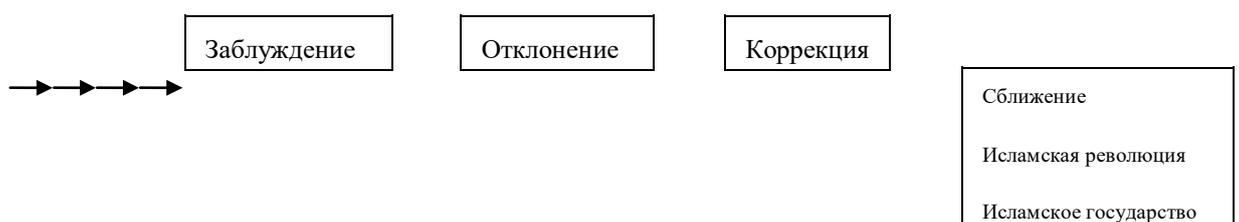
В случае с Ираном мы видели, что долгое время иджтихад улемов-усулитов был направлен лишь на проблемы, наиболее характерные для шиитской школы. Позднее направленность этого процесса стала более общеисламской, чем шиитской. С подъемом в Иране исламского движения сопротивления господству малюкийа начался последний этап построения Исламского государства. Последние стадии превращения Исламского движения в Исламское государство были названы Исламской революцией. Требования Исламского движения и Исламского государства таковы, что эти стадии не могут быть успешно реализованы приверженцами какой-то одной школы мысли. Провозглашение Исламского государства – настолько исключительный опыт освобождения, что все прочие внутренние границы, существующие в Исламе, теряют смысл и значение. Первым это осознание приходит к тем, кто осуществляет основное руководство, пока остальные празднуют победу своей школы мысли. Однако Исламское государство не может быть «шиитским» или «суннитским». Исламское государство либо есть, либо его нет. Истинное Исламское государство должно быть таким для всех мусульман; чтобы быть признанным всеми мусульманами, лидер такого государства должен управлять им как халиф или наиб (наместник) Пророка, мир ему. В этом заключалась основная мысль фетвы имама Хомейни от 6 января 1988 года.

Вынося эту фетву, имам Хомейни стремился передать всей Умме в целом послание о том, что, несмотря на то, что длительный процесс, предшествовавший Исламской революции, был осуществлен силами шиитов, провозглашенное в Иране государство является «Исламским» в том смысле, который вкладывают в это понятие мусульмане всех существующих в Исламе школ мысли. Эта фетва имама сама по себе стала новой революцией в шиитской школе.

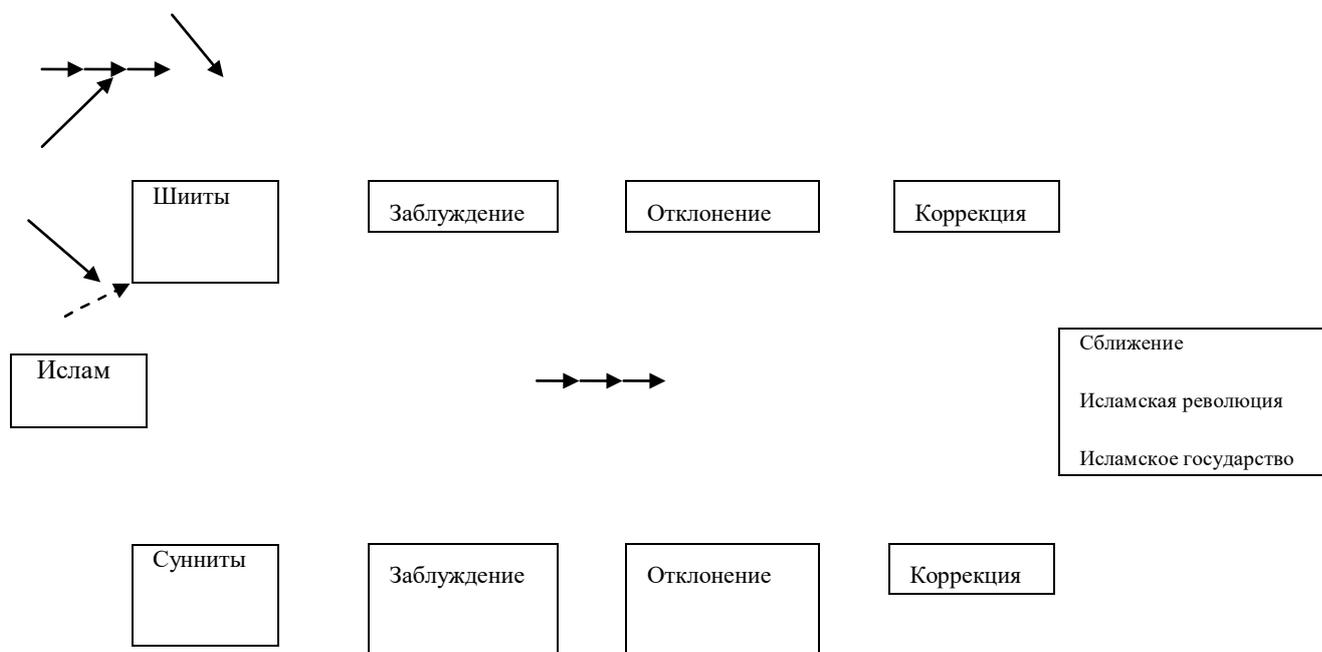
Понимание Исламской революции, сформулированное в этой фетве имама Хомейни, соответствовало тому, которое с самого начала разделяли мы в Мусульманском институте. В 1980 году мы утверждали, что первое Исламское

государство, построенное после такого долгого исторического перерыва, должно быть «примитивной моделью» идеала (9). И эта точка зрения подтвердилась. Внутренний процесс исправления в Исламе продолжался в первые годы существования нового Исламского государства. Можно ожидать, что на следующем этапе в иранском Исламском государстве начнет формироваться более широкий взгляд на историческую ситуацию с позиций всей Уммы и мирового Исламского движения. В первое десятилетие после революции установки бюрократического аппарата Исламского государства оставались во многом «иранскими» и «национальными», а внимание улемов было направлено на развитие традиционных связей с шиитами других стран. Но руководство государства, особенно имам Хомейни и аятолла Монтазери, стремилось как можно громче говорить обо всей Умме, всемирном Исламском движении и необходимости мировой Исламской революции. Эта тема постоянно звучала в речах и посланиях имама Хомейни. В его послании по случаю Хаджа 1407, объем которого достигает свыше 20 000 слов, этот вопрос излагается очень подробно. Английский перевод послания был опубликован в Kayhan International от 1 августа 1987 года. В предстоящее десятилетие политика государства должна все более и более сближаться с взглядами его первых лиц.

Сегодня возможно представить данный процесс в виде простой диаграммы:

Та же диаграмма может быть использована для того, чтобы немного более детально показать отдельные векторы развития шиитской и суннитской школ:

Абсолютно бессмысленно и даже в корне неверно пытаться определить конкретные места заблуждений или степень отклонения для обеих крупных школ Исламской мысли. Однако, очевидно, что в шиизме процесс исправления начался с усулитской революции, а результатом его стало не только сближение взглядов, но и создание Исламского государства. В суннизме попытки исправления предпринимались неоднократно; самыми последними на данный момент можно считать предпринятые двумя наиболее широко известными «Исламскими партиями» - Ихван-ульмуслимин и Джамаат-е Ислами. Ни для одной из них не было характерно переосмысление фундаментальных вопросов, подобное осуществленному шиитскими улемами.” Ихван” и “Джамаат” были чисто политическими движениями; им не удалось вырваться из капкана современного политического мышления. Шиитским же улемам, возглавляющим мусульманскую Умму Ирана, путем Исламской революции удалось создать живое, динамичное, открытое, сильное и благочестивое Исламское государство.

Область сближения, оформившаяся и развившаяся в Исламское государство, сейчас действует на политическое мышление и активность всех мусульман мира подобно магниту. Сегодня никто не может размышлять о политической жизни и политических проблемах Ислама, не обращаясь к иранскому Исламскому государству. Стрелка политического компаса Ислама в настоящий момент строго

указывает на Иран. Каждый мусульманин должен определить свою позицию по отношению к Исламской революции. Никакая часть Уммы не может оказаться за пределами влияния Исламской революции и Исламского государства.

Все происходящее влияет и на Иран, и на Умму в целом. Ни Иран, ни Умма не могут разорвать существующую между ними связь. Глубина того, что стоит за этой связью, требует подробного обсуждения. Но вначале нам придется вспомнить Бахиру, христианского монаха из Басры, и Варакку, христианина из Мекки. Они ожидали пришествия нового Пророка, основываясь на знании христианского Священного Писания и наблюдениях за сложившейся исторической ситуацией. Нет сомнения в том, что длительное, вдумчивое познание истории и ее закономерностей – ценнейший источник знаний. Вся совокупность знаний, доступных человечеству в каждый момент времени, представляет собой исторический феномен. Например, писать о заблуждении, отклонении, исправлении и сближении было бы невозможно, не обладай мы всеми преимуществами настоящего исторического момента. Точно так же, имам Хомейни не смог бы вынести свою фетву 6 января 1988 года, если бы за девять лет работы Исламского правительства не произошло накопления неприемлемых результатов. Лишь современная ситуация позволила нам утверждать, что опыт сближения, описанный выше, сделал для Уммы возможным возвращение во второе-третье десятилетия эры Пророка, мир ему. Последователи ахбарийа в шиизме не осознавали своей «неправоты» до того момента, когда накопление неприемлемых результатов привело к появлению улемов нового течения усулийа. А завоевание ими лидерства в шиитской школе однозначно предопределило провозглашение ими халифата Пророка и права на создание Исламского государства в отсутствие Двенадцатого Имама. Теперь для нас очевидно, что «правильная» или «истинная» позиция в Исламе – та, что сближает Умму с Пророком и праведными халифами. Время в истории не статично, как не статичен и человеческий опыт. Сочетание первого и второго, хода времени и существующего в нем человеческого опыта, обогащает наши знания и понимание Ислама и истории, прошлого и будущего.

Знание, обретенное после завершения цикла заблуждения, отклонения, исправления и сближения в любой из составных частей Уммы, или в любой из школ

мысли в Исламе, должно быть приемлемым для всех исламских школ мысли и для всей Уммы. Целесообразность внесения нового элемента в наиболее общую систему базовых знаний останется неявной и сомнительной, если не будет продемонстрирована повторяемость этапов исторического процесса, итогом которого стало обретение этого знания.

Для истории характерно повторение сходных последовательностей событий через значительные промежутки времени. Таким образом, если за Исламской революцией в Иране в течение одного-двух десятилетий не последует революция в каком-либо еще секторе Уммы, это еще не должно вызвать сомнения в ценности первой Исламской революции. Однако, если на протяжении последующих пятидесяти или ста лет не появится доказательств повторяемости, обоснованность придания общего характера закономерностям исторического пути, пройденного Ираном, окажется под вопросом. Аналогичным образом, если новое знание, обретенное в процессе исправления и сближения, окажется актуальным лишь для шиитской школы и не будет иметь смысла для любой другой исламской школы мысли, закономерности процесса также начнут терять возможность широкого применения. Если мы не увидим повторения этапов процесса за пределами Ирана или признания его итогов всеми школами исламской мысли, это может означать и то, что процесс исправления и сближения остался в каком-то отношении незавершенным. В таком случае начнет происходить накопление новых свидетельств неприемлемых результатов. Однако, если в других частях Уммы начнут появляться предсказуемые и желательные результаты, значимость процессов исправления и сближения окажется подтвержденной.

Очевидно, что, подобно тому, как накопление неприемлемых результатов свидетельствует о заблуждении и отклонении, успех процесса исправления и сближения может быть доказан с помощью обращения к первоначальному историческому опыту Ислама. Так, в первоначальном историческом опыте Ислама имели место неоднократные атаки мекканских курайшитов на находящееся в процессе становления Исламское государство в Медине. Можно даже сказать, что нападения курайшитов на Медину имели целью именно препятствовать этому становлению, и что ситуация постоянного напряженного конфликта с враждебным

окружением способствовала консолидации политической и военной мощи Ислама в Медине, а затем и на всем Аравийском полуострове. Это можно рассматривать как свидетельство того, что существование в течение долгого времени в обстановке острого конфликта с внешними врагами является обязательным для истории Исламского государства. Если реакция традиционных врагов Ислама оказывается иной, чем у мекканских курайшитов, можно с уверенностью утверждать, что на самом деле никакого Исламского государства создано не было. Это вполне сходится и с нашим пониманием сути мусульманских национальных государств, которые не только не подверглись атаке со стороны куфра, а, напротив, возникли при его активной поддержке. Неспособность «независимых» постколониальных государств втянуть врагов Ислама в военное противостояние вне всякого сомнения объясняется тем, что такие мусульманские национальные государства создавались именно для того, чтобы служить глобальным интересам куфра. Столь же легко можно было предсказать и дальнейшее развитие событий.

Открытое сотрудничество арабских государств с Соединенными Штатами и Советским Союзом при вторжении в Иран попадает в ту же категорию предсказуемых и ожидаемых событий, которые должны следовать за созданием Исламского государства. Мы также можем предсказать, что многократное военное превосходство куфра и его сподвижников, мунафиков, в конце концов, будет уничтожено, так же, как были разгромлены курайшиты в начале исторического пути Ислама. Если бы Иран не подвергся нападению и согласованной подрывной деятельности со стороны супердержав куфра и их союзников, тогда у нас должны были возникнуть сомнения в том, можно ли считать такую революцию и государство «исламскими».

Таким образом, история предоставляет нам набор методов для вынесения верных суждений об истинной природе исторических событий. Очевидно, что государства, образованные колониальными властями, или каким-либо иным образом получившие защиту и «гарантии» супердержав куфра, не могут быть «исламскими». То же самое верно и для тех государств, власти которых стремятся воспроизвести, скопировать или добиться внешнего сходства с европейскими националистическими, демократическими, капиталистическими или

коммунистическими моделями «прогресса» и «развития». Большинство этих государств также получает экономическую и военную «помощь» от своих патронов-кяфиров. Все эти государства, к которым на сегодняшний день можно отнести все государства мусульманского мира за исключением Ирана, не только не являются исламскими, но на деле находятся в активной оппозиции к Исламу. Это говорит нам о том, что современная политическая карта Уммы отражает крайнюю степень заблуждения и пышный букет отклонений от политических норм Ислама.

Иными словами, она отражает всю огромную массу неприемлемых результатов истории, накопленную за много сотен лет политического заблуждения и отклонения. Вероятно, мы не должны останавливаться и перед признанием того, что эта огромная масса неприемлемых результатов есть более чем очевидное свидетельство изначального заблуждения суннитской школы и последовавшего за ним букета отклонений, собиравшегося почти 1400 лет. Компромисс суннитов с малюкийя и коррумпированными политическими силами представляет собой наиболее значительный отдельный пример заблуждения и отклонения в Исламе. Среди суннитов наверняка найдутся несогласные с такой точкой зрения, те, кто считает более серьезной ошибку шиитов, предавших временному забвению ряд важнейших заповедей Ислама, касающихся государства, политической деятельности и лидерства в отсутствие Двенадцатого Имама. Возможно, что они правы, однако воздействие ошибки шиитов на Умму было ограниченным и довольно просто устранимым; компромисс же суннитской школы с малюкийя, а в совсем недавнем прошлом – с западной политической мыслью, уничтожил политические успехи всей Уммы. Это заблуждение и совокупность отклонений привело Умму к политическому и военному поражению в мировом масштабе. Неспособность суннитов достойно принять приговор, вынесенный историей их политической репутации, привела всю Умму к подчинению куфру. Приписать хотя бы часть этой вины заблуждениям и отклонениям шиитов почти невозможно. Тем не менее, до сих пор, несмотря на ярчайшие проявления неприемлемых результатов, наблюдаемые во всех частях Уммы, большое число суннитских улемов продолжает хранить верность Саудовской малюкийя. Другие суннитские группировки, особенно те, которые пытаются организовать политические партии, сохраняют близость к националистическим и секулярным «идеалам» колониального периода.

Как бы то ни было, мы не должны пытаться сравнивать относительную величину заблуждений и отклонений и их влияния. Важно только то, что мы уже отмечали: «правильной» или «истинной» позицией в Исламе может считаться только та, которая приближает нас к Пророку, мир ему, и праведным халифам. Полный цикл заблуждения, отклонения, исправления и сближения уже привел шиитскую школу к «правильной» или «истинной» позиции в Исламе. Однако, чтобы доказать значимость своих достижений, шииты теперь должны побуждать суннитов к признанию этих результатов желательными и воспроизводимыми. Для осуществления этого нужно собрать группу улемов-представителей обеих главнейших исламских школ мысли.

Со стороны шиитской школы это должны быть улемы, наиболее приближенные к Исламскому государству Ирана, а особенно те, кто был близок к имаму Хомейни. Их задачей должно стать объяснение своей новой позиции улемам-суннитам. Со стороны суннитской школы в эту группу должны войти те улемы, контакт которых с современной искаженной и коррумпированной системой сводился к минимуму или отсутствовал вовсе. Первым шагом к этому должно стать объединение в группу суннитских улемов, сознающих необходимость обучения опыту исправления и сближения, обретенному шиитами. Эти улемы должны признавать, что позиция шиитов после Исламской революции в Иране не имеет существенных отличий от классической позиции суннизма, существовавшей до возникновения заблуждения и отклонения к малюкийа. Такие суннитские улемы будут помогать нести новые знания и опыт, достигнутый шиитской школой, всей Умме. Значительное преимущество, которым обладает сегодня шиитская школа, не является теологическим. Действительно, представленное здесь обоснование такого преимущества не имеет к теологии абсолютно никакого отношения. Его корни и истоки нужно искать в истории, ее движении и направлении, в ее воздействии и ответной реакции мусульман, и, самое главное, в предвосхищении будущих исторических событий. Вот почему мы начали с Бахиры и Вараки.

История – это суровое испытание. Во всем, что касается заблуждений и отклонений, она неумолима и беспристрастна. История не терпит ни малейшего

искажения истины, какими бы праведными и чистыми не были людские намерения, стоящие за ним. Ни одной религиозной традиции не удалось избежать попадания в ловушку похвальбы собственными добродетелями и нелепых претензий на обладание единственной истиной, исключающей существование чего-либо за ее пределами. Неспособность сравнить реальные результаты с обещанными и желанными целями ведет к перерождению личности и распаду морали. Это, в свою очередь, порождает гарнизонный менталитет, который превращает общество в набор разрозненных группировок, каждая из которых стремится доказать всем прочим, что единственная истина находится именно по их сторону баррикад. На тех, кто не способен устоять перед такими детскими соблазнами, история смотрит с презрением. С течением времени она очерчивает контуры отклонения и полуправды и противопоставляет им чистую правду. История преобразует умозрительные, духовные, моральные, политические и теологические образчики полуправды в твердые факты. В свое время эти исторические факты приводят к накоплению не просто неприемлемых, а отвратительных и унижительных результатов.

В результате суровых испытаний истории все части Уммы на сегодняшний день оказались в состоянии разобщенности и подчинения куфру. Отвратительные и унижительные факты, с которыми мы сталкиваемся лицом к лицу – это национальные государства, созданные западными колониальными державами в мусульманских регионах мира. Еще более отвратительно и унижительно политическое, экономическое и культурное подавление западной цивилизацией исламских стран и народов. Но самое отвратительное зрелище – продажные современные лидеры и правящие круги исламского мира. Возможно, самый страшный удар – неспособность суннитских улемов подняться на борьбу со status quo. Исправление и сближение, достигнутое шиитскими улемами Ирана, пока не более чем частное и незавершенное историческое движение. История повернется к нам лицом и предложит награду лишь в том случае, если последовательность исправления и сближения будет повторена во всех частях Уммы.

примечания

1. За исключением таких малых религиозных группировок, как Бахаи в Иране и Ахмадия в Индии и Пакистане, которых все правоверные мусульмане считают кяфирами.
2. Al-Qur`an 21:92.
3. См. The Draft Prospectus of the Muslim Institute, Slough: The Muslim Institute, 1974. [Этот документ доступен также на страничке ICIT Мусульманского института.—Ed.]
4. Марьям Джамиля пришла к тем же выводам о Маулана Маудуди. См. ее статью в Islamic Quarterly, London: Journal of the Islamic Cultural Centre, Vol 31, No 2, Second Quarter, 1987.
5. Hamid Algar, Roots of the Islamic Revolution, London: The Open Press, 1983.
6. Текст фетвы имама на фарси см. в Kayhan, January 6, 1988. Перевод для автора был сделан Mr A. Rafiee.
7. Moojan Momen, An Introduction to Shi'i Islam, New Haven and London: Yale University Press, 1985, pp. 130-145.
8. 'Помещение в черный ящик' – метод научного исследования. Его смысл в том, что феномен, который не может быть объяснен в понятиях выбранной теории или экспериментально откладывается в сторону, в «черный ящик», до лучших времен. Это позволяет теории и экспериментальным исследованиям подняться на следующую ступень. Область «черного ящика» часто оказывается объяснена в ходе дальнейшего развития науки.
9. Kalim Siddiqui, 'The Islamic Revolution: achievements, obstacles and goals` in Kalim Siddiqui et al, The Islamic Revolution: Achievements, Obstacles and Goals, London: The Open Press, 1980, p. 14, and Zafar Bangash (ed): `In Pursuit of the Power of Islam: major writings of Kalim Siddiqui` , London: The Open Press, p. 127. [This book is available from the ICIT; see webpage on ICIT publications.—Ed.]

----- Об

этой работе:

Д-р Калим Сиддыки (1931-1996) был директором Мусульманского института в Лондоне и одним из ведущих мыслителей мирового Исламского движения. Он считал своим долгом способствовать свершению «интеллектуальной революции» в Исламской социальной и политической мысли, которая могла бы стать основой для будущей Исламской цивилизации и мирового порядка. Эта работа впервые была опубликована в 1989, и - в качестве приложения - в книге д-ра Сиддыки Stages of Islamic Revolution (1996).